

Едва Хань Хэн успел вернуться на своё место, как плавная, парящая мелодия резко оборвалась, уступая место тревожным, глухим тонам. Следом, по его замыслу, должен был грянуть яростный грохот боевых барабанов. Танцоры, выстроившись в боевой порядок, должны были сбросить просторные красно-белые одеяния, под которыми скрывались золотые доспехи, и под бешеный ритм воссоздать картину ожесточённого сражения.

Однако в самый ответственный момент ведущий танцор, чьё тело мгновение назад казалось гибким и податливым, как ивовая ветвь, заложил изящный прогиб назад... покачнулся и с плеском рухнул прямо в воду.

От этой неожиданности Хань Хэн так и подскочил, едва успев присесть.

"Что этот мелкий ублюдок творит?!"

Хань Хэн судорожно сжал древки сигнальных флажков. Выверенными, резкими взмахами он передал приказ двум другим танцовщицам немедленно переодеваться согласно первоначальному плану. В следующей сцене им предстояло облачиться в доспехи и исполнить танец с мечами.

На сцене возникло едва заметное замешательство. По виску Хань Хэна покатилась крупная капля пота. Он прищурился, заставляя себя унять дрожь в руках и восстановить хладнокровие.

Как бы там ни было, Хань Фэн ни за что не упустил бы шанс прославиться. Единственное логичное объяснение его выходки — он посчитал, что изначальная хореография не позволяет ему раскрыться во всей красе.

На плоты выскочили две танцовщицы в серебристых доспехах. Из-под алого шёлка, укрывавшего их плечи, со свистом вырвались остро отточенные клинки. Стальные отблески заплескали на тёмной воде, рассыпаясь мириадами ртутных брызг.

— Господин, — негромко, но тревожно позвал Цзячу. — Если мы промедлим, Хань Фэн просто захлебнётся.

— Оставь его, — отрезал Хань Хэн. — С его-то волчьими амбициями он ко дну не пойдёт.

Дело было не в доверии. Хань Хэн слишком хорошо изучил этого парня. Хань Фэн только прикидывался изнеженным неженкой, а в глубине души лелеял непомерное тщеславие. Он уже не раз прозрачно намекал, будто их с Чжуан Лином связывают некие тайные, близкие отношения. Такой человек костями ляжет, но не упустит возможность заявить о себе перед первыми лицами Бэйшо.

В своё время сам Хань Хэн шёл на любые жертвы ради заветной роли. Разумеется, он не ложился под продюсеров и инвесторов, но не брезговал кулуарными переговорами, чтобы

выгрызть себе шанс. Однако устраивать подобный саботаж на глазах у режиссёра и спонсора в одном лице — это верх наглости и подлости.

С трибун позади донёлся приглушённый гул. Зрители начали перешёптываться, а кто-то и вовсе крикнул во весь голос:

— А куда делась та девица? Почему она до сих пор не вынырнула? Неужели утонула?!

Встревоженный Цзячу обернулся и вопросительно посмотрел на своего господина.

Чжуан Лин сжал кулак в рукаве, но внешне оставался абсолютно спокоен. Он едва заметно качнул головой, призывая к терпению.

— И они продолжают танцевать?! Неужели Башня Слушания Лебедей ради наживы готова пойти на убийство?

— Да как они смеют, прямо под носом у Сына Неба?!

— Полно вам, — раздался чей-то ядовитый смешок. — Вы разве не видите, что здесь сам Нин-ван? Чего им бояться? Подумаешь, какая-то безродная девка утонет. Разве её жизнь сравнится с реками серебра, которые текут им в карманы?

— Эй! Есть тут кто-нибудь?! Неужели всем наплевать?! Человек же гибнет! Кто пойдёт со мной в Управу Столичного округа жаловаться? Башня Слушания Лебедей ни в грош не ставит человеческие жизни! — выкрикнул кто-то во весь голос.

Хань Хэн обернулся на крик. На одном из мест второго класса сидел долговязый сухопарый мужчина.

"Восточный сектор, третий ряд, второй слева," — мысленно зафиксировал Хань Хэн и равнодушно отвернулся.

Он хладнокровно отсчитывал секунды. Обычный человек может задержать дыхание под водой минуты на две, профессиональный ныряльщик — на десять и более. Но если этот выскочка просидит там дольше десяти минут, он просто сорвёт следующую часть выступления.

— Господин, его высочество призывает меня к себе, — шепнул Цзячу.

Хань Хэн лишь отмахнулся. Сейчас он был полностью поглощён сценой.

Мелодия миновала связующий проигрыш и стремительно взлетела к первому

кульминационному пику этой части. Хань Хэн, сжимая в руках красный и белый флажки, размашистым шагом поднялся прямо на стул.

По водной глади ровными кругами расходились тяжёлые волны.

Флажки в руках Хань Хэна описали резкую дугу: приказ принят. Бамбуковые плоты танцовщиц мгновенно развернулись под прямым углом, плотным кольцом окружив место, откуда расходилась зыбь.

На трибуне Третий принц, беззаботно грызший семечки, застыл как вкопанный. Он изумлённо приоткрыл рот.

— Эта девка... мужик?!

Прямо из глубины озера бесшумно поднялся точёный мужской силуэт. По мокрой, сияющей каплями воды спине волной скользнули влажные чёрные волосы. Танцор закружился в плавном пируэте, и его длинные пряди, подобные тончайшему шёлку, облепили ослепительно белую кожу. Пальцы юноши изящно скользили по воде, увлекая за собой запутавшиеся в локонах ленты светящегося газа.

Наблюдавший за этим зрелищем издалека Хань Хэн лишь приподнял бровь. Флажки в его руках снова пришли в движение, выписывая новый приказ.

Обе танцовщицы, исполнявшие роли суровых воительниц, взмахнули широкими алыми лентами. Шёлк хищно обвился вокруг Хань Фэна, восставшего из глубин подобно речному духу. Одна из девушек резко потянула ленту на себя — и Хань Фэн, изогнувшись всем телом, словно серебряная рыба, взмыл над водой. В то же мгновение вторая танцовщица ловким движением наглухо сплела его от поясницы до самых пят.

Теперь Хань Фэн напоминал плотный кокон. Ни рукой двинуть, ни ногой.

Осознав своё положение, он яростно задёргался. Позабыв об образе кроткого и хрупкого юноши, Хань Фэн в панике завопил:

— Пустите! Мой выход позже! Развяжите меня! Всё должно быть не так! Вы перепутали движения!

Однако его жалкие крики мгновенно потонули в громоподобных, величественных аккордах. Он бился в путах, точно выброшенная на берег рыба — отчаянно и совершенно бесполезно.

Хань Хэн облегчённо перевёл дух. Его руки продолжали чётко направлять танец. Перестроение на заднем плане шло строго по сценарию.

Изначально планировалось, что Хань Фэн предстанет в образе легендарной воительницы, воссиявшей на полях сражений Бэйшо восемь десятков лет назад. Теперь же сюжетная линия запуталась так, что он сам едва ли смог бы объяснить, что происходит на сцене.

Спеленатого Хань Фэна уложили на бамбуковый плот. Танцовщицы расступились, пропуская его по живому коридору назад, во тьму кулис. Представление продолжалось своим чередом, разве что лишилось своего главного солиста.

— Что там снаружи? — спросил Хань Хэн, когда вернувшийся Цзячу подошёл ближе. Он как раз опустил флажки и устало перевёл взгляд на слугу.

— Поднялся небольшой шумок, но бурчат только те, кто купил билеты в последний момент. На вип-трибунах все сидят как приклеенные, никто не ушёл.

Хань Хэн молча кивнул.

Разумеется, это шоу создавалось не только ради той сотни избранных, что удостоились официальных приглашений. Перед самым началом администрация "случайно" выставила на продажу ещё пятьдесят мест. Любой желающий, будь то знатный вельможа или простой горожанин, мог приобрести билет. Правда, цена кусалась — сто лянов серебра за место. Такую сумму могли позволить себе лишь действительно зажиточные купцы и богачи. Причём шли они сюда не столько ради искусства, сколько ради возможности подышать одним воздухом с первыми лицами империи. Оказаться в одном ряду с вельможами на таком представлении — для многих это был предел мечтаний, событие, о котором будут помнить всю жизнь.

К тому же, столь дорогой билет после шоу превращался в настоящую семейную реликвию, которой можно было хвастаться перед соседями и партнёрами по торговле.

Одна лишь продажа этих мест почти полностью перекрыла расходы на подготовку. Да и эти пятьдесят счастливиц, вернувшись домой, станут лучшей живой рекламой. Чтобы никто не заподозрил их в глупости и расточительности, они превознесут увиденное шоу до небес, называя его божественным чудом.

По сути, Хань Хэн лишь использовал все доступные ему технические средства, чтобы подарить этим людям невиданное зрелище. Сцена, вписанная в естественный озёрный пейзаж, дарила ощущение невероятного простора — разительный контраст с душными, тесными залами частных поместий.

Сам по себе приём с переодеванием мужчины в женское платье — амплуа травести — должен был стать главным сюрпризом, козырем, который Хань Хэн придерживал на потом. Кто же знал, что Хань Фэн ради дешёвой славы решится на такое безумие и разденется практически догола перед толпой высокопоставленных зрителей?

Пусть это и вызвало небывалый ажиотаж, но подобный "стриптиз" отдавал дешёвым кабаком.

Если бы Хань Хэн вовремя не сориентировался и не приказал танцовщицам спеленать наглеца в красный шёлк, превратив его появление в подобие величественного жертвоприношения речному божеству, репутация Башни Слушания Лебедей была бы растоптана.

В итоге Хань Фэн, конечно, стяжал бы славу, но само заведение прослыло бы грязным вертепом.

А ведь Хань Хэн задумывал Башню Слушания Лебедей как первоклассный театр, доступный любому, у кого водятся монеты в кармане — будь то аристократ или зажиточный ремесленник. Им следовало уйти от былого высокомерия, но и опускаться до уровня банального публичного дома они не имели права.

Хань Хэн тяжело выдохнул, прогоняя скопившуюся в груди досаду. Он привычно потер указательный и средний пальцы.

"Чёрт... как же сейчас хочется затянуться крепкой сигаретой."

— А что господа наверху? — спросил Хань Хэн, косясь в сторону почётных трибун.

— Трудно сказать, — покачал головой Цзячу. — Стоило мне подняться, как молодой принц приказал мне немедленно взять стражу и навести порядок в задних рядах. Но Третий принц, кажется, остался в полном восторге.

Хань Хэн задумчиво прищурился. Третий принц, Цзюнь Минъянь, был любимцем императора Бэйшо. И пусть он не носил титул наследника, все понимали: официальный престолонаследник слаб здоровьем и может угаснуть в любой момент.

— Ему действительно понравилось шоу?

— И даже очень. Требовал немедленно позвать к нему постановщика, — ответил Цзячу и, покосившись на собеседника, осторожно спросил: — Господин, когда вы планируете явиться к ним?

— Не к спеху, — отмахнулся Хань Хэн. — Излишняя навязчивость только сбивает цену. Как дела с подготовкой к гуляниям в саду?

— Всё готово. Как только закончится представление, мы сможем перевести гостей туда.

— С вашим молодым господином всё согласовано?

— Да. Молодой маршал лично возьмёт это на себя. Если Третий принц и Нин-ван согласятся почтить нас своим присутствием, остальные вельможи потянутся за ними следом.

Разумеется, ограничиваться одним лишь спектаклем никто не собирался. Главная часть программы — изысканный приём в саду — должна была пройти непосредственно в Башне Слушания Лебедей. Чтобы умаслить Дин Му и заставить его содействовать, Хань Хэну пришлось расстаться с великолепным пейзажем в горшке «Чудесная гора из желтого нефрита» и роскошной вазой «Весенняя» с узором из вьющихся хризантем. Этот тип без щедрой mzды и пальцем бы не пошевелил.

Да и грех было не похвастаться столь грандиозными владениями, какими располагала теперь Башня Слушания Лебедей.

Не дожидаясь финальных аккордов, Хань Хэн направился за кулисы.

Хань Фэн, крадучись, подошёл к дверям гримёрной. Но стоило ему заглянуть внутрь и увидеть сидевшего там Хань Хэна, как сердце его ушло в пятки. Лицо юноши мгновенно сделалось бледным как полотно.

Из всей одежды на нём оставались лишь мокрые алые ленты да клочки светящегося газа.

В этот момент кто-то резко хлопнул его по плечу. Хань Фэн едва не взвизгнул от испуга. Незвестный вовремя зажал ему рот, иначе Хань Хэн, поджидавший беглеца в комнате, тут же бросился бы на шум.

Перед Хань Фэном стоял старина Чжу, облачённый в неприметную, грязную одежду простого разнорабочего.

Взгляд Хань Фэна заметался. Он судорожно хватал ртом воздух, не в силах скрыть овладевший им ужас.

Старина Чжу молча оттащил парня в сторону — к полутёмному дощатому навесу, где хранился театральный инвентарь. Толкнув его на колченогую скамью, он швырнул ему под ноги старое, пыльное одеяло.

— Прикройся. Я найду тебе что-нибудь из одежды, — бросил Чжу. Он уже развернулся, чтобы уйти, но вдруг замер. — Ты сумел подтвердить личность Хань Хэна?

Хань Фэн вжал голову в плечи. Опустив голову, он до боли сжал посиневшие от холодной озёрной воды пальцы. В его взгляде промелькнула тщательно скрываемая, ядовитая зависть.

— Мне нужно ещё немного времени, — едва слышно выдавил он.

Старина Чжу пристально, изучающе посмотрел на него.

— Ты служишь Святому Господину не первый день, — медленно произнёс он. — И должен отлично знать: больше всего на свете он презирает тех, кто повинуется лишь на словах, а на деле ведёт свою игру. Запомни раз и навсегда: не нам с тобой разыгрывать эту партию. Тебе всё ясно?

— Всё ясно, — дрожащим голосом ответил Хань Фэн.

Когда шаги старины Чжу затихли вдали, Хань Фэн медленно поднял голову. Слабый луч света, проникший сквозь щели навеса, осветил его холодную усмешку. Лютая злоба, словно ледяная гадюка, вспыхнула в его потемневших глазах.

<http://bllate.org/book/20487/2215128>